

Н. К. Анисюткин

Итоги изучения мустье Приднестровья

(Черныш А. П. Очерки по палеолиту Прикарпатья. Львов: Институт украиноведения им. И. Крипякевича НАНУ, 2015. 170 с.)

Введение

Рецензируемая монография, вышедшая много лет спустя после кончины её автора, завершает серию работ по среднему и позднему палеолиту Среднего Приднестровья, опубликованных А. П. Чернышом в 50–80-х годах прошлого века (Черныш 1965; 1977; 1982; 1987). В ней представлены результаты полевых исследований на стоянках Молодова I и Оселивка I–III, проводившихся под руководством А. П. Черныша Днестровской палеолитической экспедицией в 1980–1985 годах. Особое значение имеют археологические материалы из мустьерских слёв стоянки Молодова I, которые позволили поднять и частично решить ряд важных проблем, связанных с изучением среднего палеолита Приднестровья. Многие из этих вопросов, которыми я также занимался почти полвека, были предметом наших многолетних дискуссий с А. П. Чернышом (рис. 1).

Считаю необходимым особо подчеркнуть ту исключительно важную роль в редактировании и издании рассматриваемого труда, которую сыграл ученик А. П. Черныша, доктор исторических наук, профессор А. С. Сытник. Без доброй воли этого исследователя книга А. П. Черныша могла так и остаться неизвестной.

Палеолит Прикарпатья и, прежде всего, долины среднего течения Днестра достаточно хорошо изучен в значительной мере именно благодаря многолетним раскопкам А. П. Черныша. Археологические исследования велись в постоянном содружестве со специалистами смежных научных дисциплин во главе с известным советским геологом-четвертичником И. К. Ивановой. Эти междисциплинарные исследования на палеолитических стоянках Молодова I и V позволили получить разнообразную и важную информацию о самых древних этапах преистории юго-западной части Восточной Европы. Прежде всего, была доказана многослойность палеолитических стоянок. Установлено, что человек обитал здесь на одних и тех же мысах на протяжении значительной части позднего плейстоцена, периодически посещая и покидая места стоянок в течение многих десятков тысяч лет. Самые ранние слои относятся ещё к мустьерской эпохе, а самые поздние — к концу верхнего палеолита, совпадая с финалом последнего оледенения.

Рис. 1. Окрестности стоянки Молодова I, 1976 г. Слева направо: И. К. Иванова, Н. К. Анисюткин, А. П. Черныш (фото Г. М. Левковской)

Fig. 1. Environs of Molodova I, 1976. From left to right: I. K. Ivanova, N. K. Anisyutkin, A. P. Chernysh (photo by G. M. Levkovskaya)

Рассматриваемая монография А. П. Черныша написана уже в последние годы жизни этого замечательного человека и учёного, с которым мне посчастливилось плодотворно сотрудничать в течение многих лет. Мы работали на одной территории и занимались сходными проблемами, хотя интересы А. П. Черныша не ограничивались, как у меня, только ранним и средним палеолитом, а распространялись на периоды более поздние — верхний палеолит и даже мезолит. Тем не менее наши интересы часто соприкасались при постановке и решении ряда проблем, касающихся среднего палеолита. Здесь у нас нередко возникали существенные расхождения, которые мы решали в ходе дискуссий при встречах в Ленинграде и во Львове.

Книга состоит из краткого предисловия, шести глав, обширного списка использованной литературы и резюме на английском языке. В конце помещено послесловие А. С. Сытника, посвящённое научному наследию А. П. Черныша.

В первых двух главах речь идет о раскопках стоянки Молодова I, а в трёх следующих — об исследовании стоянок Оселивка I, II и III. Я здесь основное внимание уделяю двум первым главам, в особенности проблемным вопросам изучения среднего палеолита Среднего Приднестровья.

Первая глава посвящена раскопкам стоянки Молодова I. В 1980–1985 годах было вскрыто около 200 кв. м. Выявлено четыре культурных слоя мустьерской эпохи и остатки слоя верхнего палеолита. Раскоп, расположенный в восточной части поселения, увеличил общую исследованную площадь до 1400 кв. м.

Нижний культурный слой 5 был хорошо выражен, но лишён скоплений крупных костей мамонта. Остатки фауны типичны для всех мустьерских слоёв памятника: здесь абсолютно преобладают кости мамонта, далее следуют обломки костей лошади, северного и благородного оленей, носорога, бизона (зубра). В слое прослежены остатки семи кострищ, заполненных мелкими осколками интенсивно обожжённых косточек и углей. В одном из очагов найден обломок зуба утробного мамонтёнка. Эта находка является, на мой взгляд, важным аргументом в пользу признания того, что неандертальцы охотились на мамонтов. Основания этих кострищ имели следы прокалывания, что указывает на то, что огонь здесь горел долго и интенсивно. По мнению А. П. Черныша, в культурном слое выявлены только остатки лёгких недолговременных шалашеобразных сооружений.

На изученной площади слоя 5 обнаружены весьма многочисленные кремнёвые изделия (1005 экз.), включая 79 нуклеусов, 116 орудий, 440 отщепов, 250 пластин и 105 отходов производства. Многочисленны в коллекции гальки песчаника, обломки известняка и сланца, которые использовались в качестве отбойников, пестов-тёрчинок и для выполнения иных работ.

Анализ техники первичного расщепления кремня, проведённый А. П. Чернышом на основе методики Ф. Борда, показал, что каменная индустрия этого слоя относится к леваллуазским и фасетированным, с относительно высоким индексом пластин. Очень интересно, что приведённый в публикации индекс массивности (далее IM), который равен 18, типичен для индустрий развитого и позднего леваллуа-мустье. Этот показатель характерен для группы I, установленной ранее мною на основе значительной выборки из разных комплексов среднего палеолита (Анисюткин 1968; 1988: 98). В следующую группу II с IM от 21 до 24 также входят комплексы развитого и возможно раннего леваллуа-мустье. Каменные индустрии с низкими индексами леваллуа образуют группу III (Анисюткин 1968: 6). Техника первичного расщепления и набор каменных орудий слоя 5 соответствуют типичному мустье фации леваллуа или леваллуа-мустье (с. 30).

Выше лежащий культурный слой 4 является наиболее богатым находками. В нём обнаружено большое количество крупных костей мамонта, включая бивни, нижние челюсти, черепа, лопатки, трубчатые кости, рёбра, позвонки и многочисленные обломки зубов. В целом же состав фауны аналогичен лежащему ниже слою 5. Интересны находки костей с многочисленными нарезками, насечками, а также предполагаемыми гравированными антропоморфными, как считал А. П. Черныш, изображениями. Относительно их природы имеются разные мнения. А. П. Черныш полагал, что обнаружение на костях групп ритмичных линий-нарезок позволяет предположить возникновение у людей этого времени зачатков искусства и элементарного счёта.

В пределах раскопа прослежены скопления костей. Особый интерес представляют ямы-хранилища, заполненные костями и отражающие, по-видимому, два-три этапа формирования культурного слоя. Как отметил А. П. Черныш, эти кости являлись, скорее всего, запасами строительного материала для сооружения жилищ.

В слое найдено 3525 кремнёвых изделий, включая 201 нуклеус, 467 орудий, 725 пластин и 1297 отщепов, обломков и чешуек. Согласно техническим индексам Ф. Борда каменная индустрия слоя относится к мустье типичному фации леваллуа. Индексы леваллуа, пластин и фасетирования сопоставимы с соответствующими показателями для слоя 5. Интересно, что показатели массивности

и клетона, полученные А. П. Чернышом, характерны для индустрий с господством техники леваллуа.

В коллекции из слоя 4 много обломков камней, включая гальки из песчаника с разнообразными следами утилизации.

В лежащих выше культурных слоях 3, 2 и 1 были обнаружены сравнительно немногочисленные находки кремнёвых изделий мустьерского облика и обломков костей ископаемых животных. Кремнёвые изделия, судя по иллюстрациям, также, скорее всего, соответствуют леваллуа-мустье. Относительно богатый находками слой 2 дал 359 кремнёвых предметов, в том числе 24 нуклеуса, 36 орудий, 186 отщепов и пластин, а также отходы производства. Все нуклеусы имеют мустьерский облик. На основе системы Ф. Борда приведены технические индексы расщепления: леваллуа — 15%, фасетирования — 64 %, пластин — 30 %. Удивляет относительно низкий процент сколов леваллуа при обычно высоких индексах широкого фасетирования и пластин. К сожалению, не даны индексы клетона и массивности. В коллекции среди орудий имеются очень выразительные остроконечники и скрёбла. В данном случае важно отметить наличие в столь поздних слоях кремнёвых изделий мустьерского облика.

На небольшом участке около 45 кв. м выявлен слой верхнего палеолита. Комплекс орудий верхнего слоя соответствует, по данным А. П. Черныша, концу позднего палеолита.

В главе 2 подводятся итоги многолетних исследований стоянки Молодова I. Это, на мой взгляд, одна из наиболее интересных и важных глав монографии. Здесь обсуждается ряд общих вопросов, включая реконструкцию природной среды, в которой обитали люди палеолитического времени, определение историко-культурного места мустьерских памятников данного региона, выявление на основе стратиграфии их относительной хронологии. Также рассматриваются проблема происхождения комплексов молодовского леваллуа-мустье и проблема домостроительства в мустьерскую эпоху. Анализируются кости с нарезками и предполагаемой гравировкой.

В результате междисциплинарных исследований удалось установить, что люди обитали на этой территории в условиях холодного и сурового климата. Преобладали ландшафты холодных степей с пятнами тундровых сообществ и небольших участков лесной растительности. В периоды интерстадиалов наступало некоторое улучшение климата, но он всегда оставался холоднее современного. Тем не менее, мустьерские охотники-собиратели умели хорошо приспособливаться к природному окружению.

Важной проблемой, пишет А. П. Черныш, является установление культурно-исторического места молодовского леваллуа-мустье в системе среднего палеолита Европы (с. 84). На основе технико-типологического анализа комплексов слоёв 5 и 4 делается вывод о том, что этот вариант можно считать наиболее распространённой общностью европейского мустье. По мнению исследователя, эта обширная культурная общность кроме Европы охватывала огромные территории Кавказа, Средней и Передней Азии. При этом хорошо заметен процесс возрастания леваллуазских черт в комплексах более позднего времени.

В индустрии молодовского мустье весьма заметен не только постепенный рост самого индекса леваллуа, но и одновременно явное ослабление таких сопутствующих показателей, как массивность сколов и «клетона». Стоит обратить внимание на сопоставимость индексов, рассчитанных независимо А. П. Чер-

нышом и мной для одних и тех же комплексов. В рецензируемой монографии индексы леваллуа для слоев 5 и 4 составляют 34% и 33%, а в моей работе — 44% и 52% (Анисюткин 2001: 105), причем подсчёты делались по коллекциям из раскопок разных лет. Очевидно, что в любом случае, если использовать систему Ф. Борда, наблюдаемые отличия несущественны — речь идет только об индустриях леваллуазского типа. Этот пример указывает на полезность индекса леваллуа, но при условии равной подготовки и надлежащего опыта при работе с коллекциями¹.

В качестве примера предполагаемого развития приведу таблицу, где сопоставлены индексы леваллуа (IL), массивности (IM) и клеттона (ICI) для слоев 5 и 4 стоянки Молодова I, а также более ранних комплексов, включая стоянку Кетросы (комплекс 1) и коллекцию южного местонахождения Кишлянский Яр (далее КЯЮ). Коллекция последнего, не имеющая надежной стратиграфии, вероятно, относится к концу ашельского времени (Анисюткин 2001). В своей работе А. П. Черныш отмечал эту последовательность.

Таблица 1

Комплексы	IL	IM	ICI
Молодова I — 4	33%	15	12%
Молодова I — 5	34%	18	13%
Кетросы — 1	21%	21	21%
КЯЮ	12%	28	43%

При взгляде на таблицу заметна явная тенденция уменьшения показателей клеттона и массивности во всех комплексах. Индекс леваллуа, напротив, увеличивается до слоя 5, а далее наблюдается стабилизация показателей леваллуа. Как отмечал В. И. Усик, исследовавший массив леваллуазских индустрий Закарпатья и Приднестровья, «стадиальная эволюция леваллуа запада Украины шла по пути, с одной стороны, упрощения технологического процесса подготовки, а, с другой, по пути изменения стандартов» (Усик 2009: 120). Наиболее заметное изменение стандартов шло до этапа развития молодцовского леваллуа-мустье, а затем началось упрощение технологического процесса подготовки нуклеусов.

В целом, в приднестровских леваллуа-мустьерских комплексах заметен процесс замены клеттонской технологии на леваллуазскую. На начальном этапе, представленном индустрией КЯЮ, количество леваллуазских сколов явно лимитировано использованием черепаховидных нуклеусов, при раскалывании которых особенно много отходов производства и мало подлинных отщепов леваллуа. Позднее клеттонская технология перестаёт играть заметную роль. Ещё позднее намечается процесс упрощения леваллуазской технологии. Эти наблюдения вполне согласуются с высказанным А. П. Чернышом предположением

¹ Во время совместной работы над коллекциями стоянок Стинка I и Молодова V, хранящимися в Ленинграде и Львове, мы с А. П. Чернышом убедились в сопоставимости наших определений техники леваллуа. Отщеп леваллуа выделялся нами на основе суммы признаков, а не только по характеру ограничения спинок. Имевшиеся различия не были существенными и мало влияли на получаемые индексы.

о закономерном увеличении леваллуазских черт в более поздних комплексах и в целом прогрессивном значении техники леваллуа в развитии материальной культуры мустьерского человека (с. 84).

Данные, представленные в табл. 1, согласуются с гипотезой формирования молодовского леваллуа-мустье на основе раннего и среднего палеолита Закарпаття (Анисюткин 1981: 49; Кулаковская 1989). Не противоречат этой гипотезе и открытые А. С. Сытником выше по течению Днестра памятники мустьерской эпохи с хорошей стратиграфией — Езуполь и Игровица, относящиеся к леваллуа-мустье (Ситник 2000). Как отметил А. П. Черныш, «нельзя удивляться выводам некоторых специалистов о возможном распространении древнего населения на восток и тому, что корни молодовского мустье-леваллуа следует искать на западе, в Закарпатье» (с. 89). Правда, им также допускается проникновение леваллуазских комплексов и со стороны Балкан.

Весьма интересна и продуктивна идея А. П. Черныша о выделении 11 четких стратиграфических комплексов, отражающих развитие мустьерской культуры в районе Среднего Приднестровья. Эта идея базируется на наличии хороших стратиграфических разрезов основных стоянок, связанных с отложениями II надпойменной террасы Днестра, которые находятся относительно недалеко друг от друга. Данные разрезы, как указывали геологи, легко сопоставляются.

В основании стратиграфической последовательности находится первый, самый ранний комплекс из руслового аллювия террасы, который датируется геологами рисс-вюрмским межледниковьем. Речь идет о небольшой коллекции кремнёвых изделий с ручным рубилом и архаичными отщепами, которые выявлены на стоянке Кормань IV в шурфе на глубине 15 м.

Второй стратиграфический комплекс представлен основным слоем стоянки Кетросы, который лежит в кровле пойменного аллювия. Как отметил А. П. Черныш, комплекс каменной индустрии стоянки имеет более архаичный облик, чем прочие комплексы, включая молодовские. Кремнёвые изделия и кости ископаемых животных были найдены в отложениях между интерстадиалами амерсфорт и бреруп (с. 92).

Третий стратиграфический комплекс представлен слоем 5 Молодовы I. В качестве хронологических показателей выступают особенности стратиграфии, а также наличие ручного рубила позднеашельского облика и изделий более крупных размеров. Это наиболее ранний комплекс молодовского леваллуа-мустье.

Четвёртым стратиграфическим комплексом можно считать самый богатый археологическими и палеонтологическими находками культурный слой 4.

Пятым комплексом является слой 3 Молодовы I и слой 12 стоянки Молодова V.

Шестым стратиграфическим комплексом следует считать слой 2 Молодовы I и слой 12а Молодовы V.

К седьмому комплексу можно отнести богатый находками слой 11 стоянки Молодова V с предполагаемыми остатками жилища.

Далее следуют прочие комплексы молодовских стоянок и Кормань IV. Интересно, что относимая к восьмому комплексу индустрия слоя 12 стоянки Кормань IV сопоставляется с нижним слоем стоянки Стинка I. Эта кремнёвая индустрия, как считал А. П. Черныш, соответствует иной линии развития, отличающейся от молодовского леваллуа-мустье (с. 94).

Вышележащие комплексы дали мало материала, но они указывают на то, что мустье продолжается до интерстадиала хенгело. В это время в Европе уже представлены комплексы верхнего палеолита.

Следует отметить, что А. П. Черныш признал идею существования на территории Приднестровья параллельной молодовскому мустье линии развития, которая представлена комплексами нижнего слоя Стинки I и слоя 12 стоянки Кормань IV (с. 96). Проблему сосуществования в мустье Прикарпатья двух линий развития — молодовской и стинковской — мы с А. П. Чернышом обсуждали неоднократно.

Материалы мустьерских слоев Молодовы I позволяют утверждать, что неандертальцы Приднестровья охотились на мамонта. Это подтверждается обилием разнообразных костей данных животных, включая обломки обожжённых рёбер и позвонков, находками обломков костей молодых мамонтов, а также обломка зуба утробного мамонтёнка в очаге. В отличие от Молодовы I, на стоянке Кетросы представлены только отборные кости мамонта, включая бивни, что, скорее всего, указывает на то, что основная их часть была собрана в русле реки (Аникович и др. 2010; Анисюткин 2013). На то, что обитатели стоянки Кетросы тоже охотились на мамонтов, указывает находка кости мамонтёнка в раскопе II². Несомненно, что и на молодовских стоянках не все кости мамонта являются объектами охоты и часть из них собрана в русле реки. Не исключено, что кости из ям-кладовых предназначались для отопления жилых сооружений в зимнее время. В ямах кости не пересыхали. Зимние поселения могли находиться в скальных убежищах соседней толтровской зоны. Известны стоянки среднего палеолита в гротах северной Молдавии всего в 25–30 км к югу от Молодовы I. Важно отметить, что никто из археологов не искал гроты в скальных массивах на границе с Молдавией. Эти массивы часто покрыты лесом, и обнаружение гротов, как показывает практика, очень сложно. Мои кратковременные разведки в районе Каменец-Подольского не дали положительного результата.

В главах 3, 4 и 5 рассматриваются результаты раскопок стоянок Оселивки I, II и III. Почти во всех слоях найдены кремнёвые изделия верхнего палеолита. Большой интерес представляют малочисленные находки из самого раннего слоя, который А. П. Черныш датирует эпохой мустье. Наличие здесь бифасов, сопоставимых с типом *Keilmesser*, которые названы «ножами аккайского типа», позволило отнести данный комплекс к микроку. Было высказано предположение о проникновении индустрий этого типа с территории Крыма, что маловероятно. Подобные формы известны в нижнем слое стоянки Стинка I, что возможно даёт основание видеть здесь «стинковский комплекс».

Стоит отметить находки обломков костей шерстистого носорога в мезолитическом слое Оселивки I. Вместе с находками останков этого животного в ранне-мезолитическом слое 1a стоянки Молодова V они указывают на то, что носороги просуществовали на данной территории до конца плейстоцена (с. 134).

В целом монография А. П. Черныша представляет собой ценный труд, где представлена важнейшая информация о развитии среднего и верхнего палеолита Среднего Приднестровья на протяжении почти всего позднего плейстоцена. Полагаю, что для исследователей среднего и раннего палеолита эта книга будет весьма полезна как содержащимися ней фактическими материалами, так и опытом их обобщения и интерпретации.

По мнению А. П. Черныша, в регионе сосуществовали два варианта среднего палеолита: молодовское леваллуа-мустье и стинковский вариант с нелеваллуазской технологией и присутствием бифасиальных форм, который в целом сопоставим с зубчатым мустье. Оба варианта существовали от конца последнего

² К сожалению, лучевая кость молодого мамонта длиной всего 36 см с кв. С–XII не была включена в публикацию.

микулинского или ресс-вюрмского межледниковья и, как минимум, до интерстадиала хенгело. Наиболее позднее стратифицированное мустье отмечено в самом верхнем слое стоянки Молодова V и горизонтах 9–10 Кормани IV. Как полагают А. П. Черныш, эти комплексы могут рассматриваться как переходные от мустье к верхнему палеолиту. По моему мнению, в Приднестровье леваллуа-мустье демонстрирует лишь микроэволюционный процесс и не трансформируется в верхний палеолит.

Относительно происхождения молодовского леваллуа-мустье А. П. Черныш не имел определённого мнения, но считал вполне вероятным миграционный вариант, допуская, что основой, на которой сформировалось молодовское мустье, мог быть ранний и средний палеолит Закарпатья. Эта идея вполне вероятна, но для её доказательства всё ещё мало данных. Следует согласиться с А. П. Чернышом, который писал так: «Окончательно данный вопрос может быть решён лишь в будущем, после увеличения количества открытых и изученных памятников на территории окружающих районов» (с. 90).

Очень важный материал получен к проблеме домостроительства и организации поселений в эпоху мустье (Черныш 1989). Стоянки с обильными костями мамонтов, которые были использованы для строительства жилищ, обнаружены в Европе лишь на территории Восточного Прикарпатья, в междуречье Прута и Днестра. Очень существенно выявление хозяйственных ям для хранения костей. Являются ли эти кости только запасами строительного материала или речь может идти о запасах топлива? Здесь сложно дать однозначный ответ. Возможно и то и другое. Очень важен вопрос об одновременности жилых сооружений, обнаруженных на площади 1400 кв. м. Было ли это единое поселение или мы имеем дело с несколькими разновременными стоянками? На этот интересный вопрос помогут дать ответ лишь дальнейшие исследования.

Материалы со стоянки Молодова I помогают ответить на вопрос об охоте на мамонтов в мустьерскую эпоху. Были ли кости мамонта, обнаруженные в пределах культурного слоя, остатками охотничьей добычи или собраны как строительный материал на речных отмелях? По этому вопросу идёт дискуссия. А. П. Черныш был сторонником того, что кости мамонтов из культурных слоёв 4 и 5 стоянки Молодова I являются остатками охотничьей добычи.

В заключение отмечу ряд неточностей. На рис. 1, где приведена схема расположения стоянок молодовско-корманьской и оселивской групп, допущена ошибка. Оселивская группа должна располагаться выше по течению Днестра (по соседству со стоянкой Кетросы), а молодовская ниже. Далее, на с. 12 неверно указана дата интерстадиала хенгело — 88–86 тыс. лет. Она чрезмерно удревнена, на самом деле её абсолютный возраст равен 39–36 тыс. лет (Лаврушин и др. 2002) или 42–36 тыс. лет (Болиховская 1995). Недостатком можно считать недостаточно качественные рисунки кремнёвых изделий: некоторые из них нарисованы с заметными ошибками.

Литература

- Аникович М. В., Анисюткин Н. К., Платонова Н. И. 2010. Человек и мамонт в палеолите Восточной Европы: подходы и гипотезы. *Stratum plus* 1, 99–136.
- Анисюткин Н. К. 1968. Дополнение к методике обработки нижнепалеолитических комплексов. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа* 10, 5–8.
- Анисюткин Н. К. 1981. Археологическое изучение мустьерской стоянки Кетросы. В:

- Праслов Н. Д. (ред.). *Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре*. М.: Наука, 7–53.
- Анисюткин Н. К. 1988. Опыт использования массивности сколов как показателя относительной хронологии в палеолите. В: Васильевский Р. С. (ред.). *Методические проблемы археологии Сибири*. Новосибирск: Наука, 97–106.
- Анисюткин Н. К. 2001. *Мустьерская эпоха на юго-западе Русской равнины*. СПб.: Европейский дом.
- Анисюткин Н. К. 2013. *Мустьерская стоянка Кетросы в контексте среднего палеолита Восточной Европы*. СПб.: Нестор-История.
- Болиховская Н. С. 1995. *Эволюция лёссово-почвенной формации Северной Евразии*. М.: МГУ.
- Кулаковская Л. В. 1989. *Мустьерские культуры Карпатского бассейна*. Киев: Наукова думка.
- Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А., Холмовой Г. В. 2002. Календарно-событийная стратиграфия позднего неоплейстоцена. *Третье Всероссийское совещание по изучению четвертичного периода. Материалы совещания*. (1). Смоленск, 143–145.
- Ситник А. С. 2000. *Середній палеоліт Поділля*. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича.
- Усик В. И. 2009. Варианты метода леваллуа среднего и начала верхнего палеолита, аспекты технологии и развития (по материалам запада Украины). *Stratum plus 1*, 103–122.
- Черныш А. П. 1965. *Ранний и средний палеолит Приднестровья*. М.: Наука.
- Черныш А. П. 1977. Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV и её место в палеолите. В: Горецкий Г. И., Цейтлин С. М. (ред.). *Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV на Среднем Днестре*. М.: Наука, 7–77.
- Черныш А. П. 1982. Многослойная палеолитическая стоянка Молодова I. В: Горецкий Г. И., Иванова И. К. (ред.). *Молодова I. Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре*. М.: Наука, 1–188.
- Черныш А. П. 1987. Эталонная многослойная стоянка Молодова V. В: Иванова И. К., Цейтлин С. М. (ред.). *Многослойная палеолитическая стоянка Молодова V*. М.: Наука, 7–93.
- Черныш А. П. 1989. О мустьерских жилищах и поселениях. В: Бибииков С. Н. (ред.). *Каменный век. Памятники, методика, проблемы*. Киев: Наукова думка, 72–81.

References

- Anikovitch M. V., Anisiutkin N. K., Platonova N. I. 2010. Chelovek i mamont v paleolite Vostochnoy Evropy: podkhody i gipotezy. *Stratum plus 1*, 99–136 (in Russian).
- Anisiutkin N. K. 1968. Dopolnenie k metodike obrabotki nizhnepaleoliticheskikh kompleksov. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha 10*, 5–8 (in Russian).
- Anisiutkin N. K. 1981. Arkheologicheskoe izuchenie must'erskoi stoianki Ketrosy. In: Praslov N. D. (ed.). *Ketrosy. Must'erskaia stoianka na Srednem Dnestre*. М.: "Nauka" Publ., 7–53 (in Russian).
- Anisiutkin N. K. 1988. Opyt ispol'zovaniia massivnosti skolov kak pokazatelia odnositel'noi khronologii v paleolite. In: Vasil'evskii R. S. (ed.). *Metodicheskie problemy arkheologii Sibiri*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 97–106 (in Russian).
- Anisiutkin N. K. 2001. *Must'erskaia epokha na iugo-zapade Russkoy ravniny*. SPb.: "Evropeiskii dom" Publ. (in Russian).
- Anisiutkin N. K. 2013. *Must'erskaia stoianka Ketrosy v kontekste srednego paleolita Vostochnoy Evropy*. SPb.: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).
- Bolikhovskaia N. S. 1995. *Evolutsiia lessovo-pochvennoi formatsii Severnoy Evrazii*. М.: MGU (in Russian).

- Kulakovskaia L. V. 1989. *Must'erskie kul'tury Karpatskogo basseina*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Lavrushin Iu. A., Spiridonova E. A., Kholmovoi G. V. 2002. Kalendarno-sobytiinaia stratigrafiia pozdnego neopleistotsena. *Tret'e Vserossiiskoe soveshchanie po izucheniiu chetvertichnogo perioda. Materialy soveshchaniia* (1). Smolensk, 143–145 (in Russian).
- Sitnik A. S. 2000. *Serednii paleolit Podillia*. L'viv: "Institut ukrainoznavstvaim. I. Krip'iakevicha" Publ. (in Ukrainian).
- Usik V. I. 2009. Varianty metoda levallua srednego i nachala verkhnego paleolita, aspekty tekhnologii i razvitiia (po materialam zapada Ukrainy). *Stratum plus* 1, 103–122 (in Russian).
- Chernysh A. P. 1965. *Rannii i srednii paleolit Pridnestrov'ya*. M.: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Chernysh A. P. 1977. Mnogosloinaia paleoliticheskaia stoianka Korman' IV i ee mesto v paleolite. In: Goretskii G. I., Tseitlin S. M. (eds.). *Mnogosloinaia paleoliticheskaia stoianka Korman' IV na Srednem Dnestre*. M.: "Nauka" Publ., 7–77 (in Russian).
- Chernysh A. P. 1982. Mnogosloinaia paleoliticheskaia stoianka Molodova I. In: Goretskii G. I., Ivanova I. K. (eds.). *Molodova I. Unikal'noe must'erskoe poselenie na Srednem Dnestre*. M.: "Nauka" Publ., 1–188 (in Russian).
- Chernysh A. P. 1987. Etalonnaia mnogoslainaia stoianka Molodova V. In: Ivanova I. K., Tseitlin S. M. (eds.). *Mnogoslainaia paleoliticheskaia stoianka Molodova V*. M.: "Nauka" Publ., 7–93 (in Russian).
- Chernysh A. P. 1989. O must'erskikh zhilishchakh i poseleniakh. In: Bibikov S. N. (ed.). *Kamennyi vek. Pamiatniki, metodika, problemy*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 72–81 (in Russian).

Материал поступил 23 ноября 2018 г.